

Каламкарян Р.А.

РОССИЯ В УНИВЕРСАЛЬНОМ МИРОВОМ ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

***Аннотация.** В работе показывается значимость участия России в универсальном мировом правовом пространстве, с юридической точки зрения. Рассматривается роль России как члена Совета безопасности ООН. Рассматривается деятельность органов правосудия, имплементации норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Утверждается, что Россия приняв в режиме верховенства права Rule of Law определённые международно-правовые обязательства на договорном уровне, государства призваны на основе принципа добросовестности их выполнять, вне зависимости от их имплементации в национальный правовой порядок. Исследуются различные качественные характеристики международного органа правосудия – Суда ООН, проводится его сравнение с национальными органами правосудия государств. Рассматриваются отдельные аспекты судопроизводства. Исследуются понятия законности и универсального правового порядка. Даются основные элементы и характеристики универсального правового порядка.*

***Ключевые слова:** Международное право, универсальное мировое правовое пространство, принцип добросовестности, господство права, международный суд, имплементация, внутренний правовой порядок, международный правовой порядок, Россия, национальное*

***Review:** The article concerns the value of participation of Russia in the universal global legal framework from a legal point of view. The author evaluates the role of Russia as a member of the Security Council of the UN. He evaluates the activities of judicial bodies, implementation of legal norms within the legal system of the Russian Federation. It is stated that Russia has accepted treaty-based international obligations based on the Rule of Law principle, and the states should conform to them in good faith notwithstanding their implementation into the national legal order. The author studies various quality characteristics of the International Court of Justice, it is compared with the national judicial bodies. The author studies the definitions of lawfulness and universal legal order, he provides for the key elements and characteristic features of the universal legal order.*

***Keywords:** international law, universal global legal framework, good-faith principle, rule of law, international court, implementation, domestic legal order, international legal order, Russia, national.*

Россия в режиме суверенного равенства по отношению к другим государствам-членам мирового сообщества осуществляет действенные меры по достижению целей Устава ООН. Деятельность России на этом направлении обозначается здесь не просто как обязательство должного поведения, но как осознание возможности обеспечения юридической безопасности (совокупность субъективных прав и законных интересов) всех государств современного мира в их неразрывном единстве – мирового сообщества наций.

Место и роль России в современном миропорядке обусловлено ее юридическим статусом (согласно уставу ООН) Великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН. Международно-

правовая значимость включенности России в систему международных правоотношений реально проявляет себя в параметрах содействия выполнимости всеми государствами-членами мирового сообщества своих международных обязательств на основе принципа добросовестности. Принцип добросовестности при этом позиционирует себя не просто в аспекте должного поведения, но и в режиме реальных юридических преимуществ от этого, востребованного правом и справедливостью, должного поведения. В п. 2 ст. 2 Устава ООН проведена четкая взаимосвязь между должностным поведением и получаемыми от этого преимуществами. «Все члены Организации Объединенных Наций добросовестно выполняют принятые на

себя по настоящему Уставу обязательствами, чтобы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу Членов Организации». Понятия «все члены Организации Объединенных Наций», «им всем в совокупности», «принадлежности к составу Членов Организации» четко обозначают существование определенного юридического пространства, где все члены (участники) и этого пространства в режиме господства права Rule of Law осуществляют такое юридически значимое, правомерное с точки зрения справедливости поведение, которое дает им всем соответствующие преимущества. Россия как добросовестный участник системы международных правоотношений в режиме и суверенного равенства всех участников, но в фактическом качестве Великой державы, постоянного Члена Совета Безопасности ООН, направляет свои на обеспечение выполнения со стороны всех других членов ООН своих международных обязательств на основе принципа добросовестности. Как того требуют соответствующие нормоустановительные документы современности: Декларация тысячелетия 2000 г. И Декларация Саммита 2005 г. В рамках концептуального видения проблемы обозначим сначала сам формат должного поведения всех членов мирового сообщества-господство права, а затем определим границы его применения в параметрах понятия «пространство», где собственно сам режим господства права действует. И, наконец, покажем, что Россия есть реальный пример практической реализацией концепции господства права на практике.

Господство право как способ упорядоченного взаимодействия субъектов в рамках определенной правовой системы не есть некая абстрактная теоретическая конструкция. Это – действительно востребованный наукой и практикой современной юриспруденции механизм включения субъектов правоотношений в цивилизованный процесс поступательного движения сообщества (будь-то государственного или международного) во времени и пространстве. Господство право в аспекте правления права содействует упорядочению поведения субъектов в конкретном социуме. Если это государство, то речь идет об упорядочении в рамках вертикально существующей системы права как права иерархического с жесткой вертикалью власти. А если это международное сообщество, то

мы имеем дело с процессом упорядочения уже в рамках действующего по горизонтали правом координации. Иначе называемым международным.

Право через механизм господства права осуществляет на должном уровне свою основную функцию по обеспечению юридической безопасности субъектов правоотношений. В рамках внутригосударственной системы права – это совокупность прав и свобод граждан, а в международной системе права речь идет о совокупности суверенных прав и законных интересов отдельных участников этой системы: государств. Конкретно, юридическая безопасность субъектов правоотношений проявляет себя в процессе упорядоченного на основе господства права (правления права) взаимодействия по линии пользования субъективными правами. Процесс пользования субъективными правами в режиме господства права строго упорядочен. Субъект права может пользоваться своими субъективными правами только в той мере, в какой он не нарушает обязательство по ненанесению ущерба признанным субъективным правам другого субъекта правоотношений. Граница, которая отделяет сферу пользования субъективными правами одного субъекта от обязательства по ненанесению ущерба субъективным правам другого субъекта правоотношений и образует собой границу разграничению между субъективными правами двух взаимодействующих субъектов правоотношений в режиме господства права (правления права).

Что же происходит, если один субъект правоотношений использует свои субъективные права таким образом, что он не соблюдает обязательство по не нанесению ущерба субъективным правом другого субъекта правоотношений, т.е. переходит границу, которая отделяет субъективные права одного субъекта от субъективных прав другого субъекта правоотношений. В этом случае наука¹ и

¹ *Ronsseau Ch.* Droit International Public. Paris, 1970. Tome 1. P. 382-384; *Zoller E.* La Bonne Foi en Droit International Public. Paris, 1977. P. 90-91, 109, 111-112, 115, 142; *Lauterpacht H.* International Law. General Works. Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. Cambridge, 1970. Vol. 1. P. 202, 383, 399, 492, 514; *Cheng B.* Principle of Law as Applied by International Courts and Tribunals. London, 1954. P. 121-137; *Attar F.* Droit International Entre Ordre et Chaos. Paris, 1994. P. 92-98; *Oppenheim's International Law. Peace.* London, 1992. Vol. 1. Part 1. P. 407-411.

практика современной юриспруденции (решения Постоянной палаты международного правосудия от 25 мая 1926 г. по делу о германских интересах в Польской Верхней Силезии и от 7 июня 1932 г. по делу о свободных зонах в Верхней Савойе и земли Гекс, а также решение Международного суда от 18 декабря 1951 г. по англо-норвежскому делу о рыболовстве) констатирует факт злоупотребления правом². Разумеется, это абсолютно не допустимо с точки зрения права и в режиме господства права тем более. В таком случае субъект, чьи субъективные права нарушены в результате недобросовестного поведения другого субъекта, обращается в судебный орган и суд как орган правосудия после констатации злоупотребления правом устанавливает требование положить конец недобросовестному поведению и снова войти в русло юридически обязательных стандартов должного поведения. Суд в этой конструкции, принимая решение по факту недобросовестного поведения, вылившегося в нарушении субъективных прав другого субъекта права, не только выносит постановление, но и через него обеспечивает право. Тем самым суд в общей теоретической конструкции господства права не только принимает решение, но и обеспечивает право. Функция суда здесь, как мы видим, двойка и в этом плане вряд ли научно обоснованным представляются попытки отдельных ученых свести роль суда только к принятию решений (И.Дженнингс, Р.А. Косгроув³) или только к обеспечению права (А.В. Дайси⁴). Такова логика права и любые взаимозакрывающие позиции здесь не уместны.

Суд в рамках его двуединой роли (по вынесению решения и обеспечению права) является тем органом, куда субъекты права призваны обращаться при любых обстоятельствах возникновения спора с другим субъектом права по поводу его поведения. И это предписание в рамках господства права носит характер долженствования, поскольку любой спор, возникший в связи

с нарушением субъективных прав, должен быть снят с повестки дня взаимоотношений субъектов и отношения между ними должны перейти в русло поведения, обозначаемого критериями права и добросовестности.

Сам же суд (во исполнение правила запрета NON – LIQUET), не будучи вправе отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права, имеет значение органа правосудия по поддержанию общего духа господства права.

В юридическом плане господство право призвано быть осуществимо в пространственных пределах всего общемирового правопорядка. Соответственно, становится востребованным показать сущность понятия «пространство» в науке и практике современной юриспруденции.

На уровне повседневного восприятия пространство понимается как арена действий, общий «контейнер» для всех объектов, геометрическая сущность некоторой системы.

Пространство – форма существования материи, проявляющаяся в виде характеристик взаимного расположения тел, их координат, расстояний между ними, углами направлений и т. п.

Философской определением пространства – это необходимая форма, в которой располагаются все наши ощущения; оно всегда связано с ощущениями и не отделимо от них не только в восприятии, но и в представлениях. Следовательно, пространство – неизбежная форма сознания, возникающая одновременно с ним, почему и невозможны ни эмпирическое объяснение его происхождения, ни определение его происхождения, ни определение его сущности. Исследованию подлежат лишь наши представления о пространстве, их психологический состав и возникновение. Вопрос о сущности самого пространства отдельными философами решается различно; наибольшим распространением пользуются учения критической философии, по которым пространство, как мы его воспринимаем в опыте, есть наше представление, то есть вполне субъективно; оно не воспринимается извне, а налагается самим познающим субъектом на весь материал чувственного восприятия.⁵

² CPJI. Serie A. № 7. P. 30; CPJI. Serie A/B. № 46. P. 167; CIJ Recueil 1951. P. 142.

³ *Jennings I.* Law and the Constitution. London. 1959. P. 148; *Cosgrove R.A.* Rule of Law: Albert Venn Dicey, Victorian Jurist. North Carolina, 1980. P. 89.

⁴ *Dicey A.V.* Introduction to the Study of the Law of Constitution. London, 1960. P. 183-206, 328-406.

⁵ www.Gomtp.ru/encyclopedia/letter16/term935/

Концептуальное видение пространства как правовая система координат взаимодействия субъектов правоотношений в параметрах времени и границ суверенных правомочий находит своё обоснованное подтверждение в трудах российских ученых.⁶

Согласно академическому восприятию пространства, как оно представлено в зарубежной правовой науке (речь идет, в частности о Wikipedia, свободная энциклопедия, Free Encyclopedia), пространство представляет собой безграничное, трехмерное направление, в котором объекты и события проявляют себя определенным образом и имеют относительную позицию и направление.⁷ Физическое пространство часто воспринимается в трехлинейных параметрах, хотя современные физики обычно рассматривают его со временем как часть четырехмерного континизма, известного как пространство и время (П. и в. – space time). Проводя логическую связь пространства и времени с проявляющей себя материй, отечественная академическая наука⁸ справедливо констатирует, что эта связь выражается не только в зависимости законов П. и в. от общих закономерностей, определяющих взаимодействия материальных объектов. Она проявляется в наличии характерного ритма существования материальных объектов и процессов – типичных для каждого класса объектов средних времен жизни и средних пространств, размеров.

Из изложенного следует, что П. и в. присущи весьма общие физические закономерности, относящиеся ко всем объектам и процессам. Это касается и проблем, связанных с топологическими свойствами П. и в. Проблема границы (соприкосновения) отдельных объектов и процессов непосредственно связана с поднимавшимся еще в древности вопросом о конечной или бесконечной делимости П. и в., их дискретности или непрерывности. В античной философии

этот вопрос решался чисто умозрительно. Высказывались, направления, предположения о существовании «атомов» времени (Зенон). В науке 17-18 вв. идея атомизма П. и в. потеряла какое-либо значение. Ньютон считал, что П. и в. реально разделены до бесконечности. Этот вывод следовал из его концепции пустых П. и в. наименьшими элементами которых являются геометрическая точка и момент времени («мгновения» в буквальном смысле слова). Лейбниц полагал, что хотя П. и в. делимы неограниченно, но реально не разделены на точки – в природе нет объектов и явлений, лишенных размера и длительности. Из представления о неограниченной делимости П. и в. следует, что и границы тел и явлений абсолютны. Представление о непрерывности П. и в. более укрепилось в 19 в. с открытием поля; в классическом понимании поле есть абсолютно непрерывный объект.

В математике пространства с разным количеством направлений и с различными лежащими в их основании структурами становятся предметом академического анализа. Концепция пространства призвана иметь основополагающее значение применительно к пониманию вселенной, хотя продолжает иметь место разногласие между философами по поводу того, является ли оно само сущностью, взаимосвязью между сущностями или частью концептуального обрамления.

Объективный анализ академического восприятия понятия «пространство» в современной науке свидетельствует о схожести концептуальных составляющих понятия. Профессор университета Сорбонны Ж. Матор⁹ в своей монографии «Человеческое пространство» рассматривает пространство в аспекте взаимодействия субъектов права в определенном социуме: государство, мировое сообщество. Действительно, в зависимости от пространственных пределов конкретно обозначенного социума мы констатируем, в одном случае, существование такого субъекта права как государство, а в другом – сообщества государства, миропорядок в его глобальном измерении.

Профессор Эдинбургского университета Н. Карен в своей монографии «Логическая вселенная» вполне обоснованно вводит в об-

⁶ Горелик Г. Е. «Почему пространство трёхмерно», М., 1982; Котенев А. А. «Катехизис подвижного баланса сущего», М., 2007; Ахмедли Дж. Т., Фельдман И. И. «Пространство-время: гипотезы, парадоксы, факты, Баку, 1991; Левашов Н. «Последнее обращение к человечеству», М. 1997»; Логический анализ языка. Языки пространств/отв.ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 2000.

⁷ www.en.wikipedia.org/wiki/Space.

⁸ www.bse.freecpy.ru/print.php?id=69138

⁹ *Matore J, L'espace humain/ L'expression de l'espace dans la vie, la pensee et l'art contemporain. Paris, 1962. P. 29-49.*

шие параметры правоотношений субъектов права в рамках определенных пространств такую значимую компоненту, как время.¹⁰ Фактор времени справедливо рассматривается международными судебными органами как определяющий фактор при обстоятельствах объективной оценки юридических последствий поведения государств.¹¹ Со своей стороны, профессор Н.Каррен прав, когда говорит в аспекте феноменологического факта о том, что время имеет свою стрелу-направление. Соответственно, время, которое имеет свое начало, это правильное время, а время, которое не имеет свое начало, это неправильное время.¹² В параметрах науки международной юриспруденции «правильное время» – это юридический факт, который оценивается судом по обстоятельствам своих последствий в правовом пространстве. Так, Международный суд в англо-норвежском деле о рыболовстве дал квалифицированную оценку поведения сторон с момента первого норвежского декрета (устанавливавшего принцип прямых исходных линий для отсчета ширины территориального моря, 1869г.) до даты представления одностороннего заявления Великобритании в суд (24 сентября 1949 г.) и вполне обоснованно констатировал молчаливое согласие государств с данным принципом, получившим свое закрепление в праве по обстоятельствам «постоянной и достаточно длительной практики».¹³ В пространственных параметрах современных международных правоотношений точно обозначаемые временные периоды справедливо определяются как критические даты. Международные судебные органы, давая собственную оценку поведения государств применительно к конкретным критическим датам, содействуют обеспечению юридической безопасности государств – членом мирового сообщества.

Профессор Парижского университета К.Дебру в своей монографии «Анализ и Представительство. От методологии к теории пространств: Кант и Ламберт»¹⁴ справедливо рассматривает пространство как правовое поле, в рамках которого субъекты правоотношений взаимодействуют во времени с целью достижения общих для них интересов. Такое понимание пространства вполне согласуется с концептуальным восприятием современного миропорядка, в параметрах которого его субъекты (государства) проводят всестороннее сотрудничество во имя достижения общих целей ООН. В этом плане международное право выступает как право мирового сообщества.

Профессора М.-Е. Сисери, Б.Маршан, С. Римбер в своей совместной монографии «Введение в анализ пространства»¹⁵ подтверждают уже сложившееся правильное восприятие пространства как правовое поле для совместного функционального взаимодействия всех потенциальных субъектов международных правоотношений – государств, международных организаций, юридических и физических лиц. Получив право обеспечивать свои субъективные права в международных судебно-арбитражных институтах, все обозначенные субъекты вполне обоснованно могут рассматриваться в качестве действующих субъектов современных международных правоотношений. Вместе взаимодействуют между собой на основе добросовестного выполнения своих международных обязательств (вне зависимости от источника их возникновения), действующие субъекты современных международных правоотношений содействуют обеспечению международной законности и правопорядка.

Показательный вклад в создание целостного концептуального восприятия понятия «пространство» внес доклад профессора Парижского университета П.де ла Прадела «Понятия территории и пространства в упорядочении современных международных отношений», прочитанный им в Гаагской академии международного права в 1977 г.¹⁶

¹⁰ Curran N., «The logical universe: The real universe, Avebury, 1994, P. 46-66.

¹¹ Каламкарян Р. А. «Фактор времени в праве международных договоров», М., 1987.

¹² Curran N. Op. cit. P.45.

¹³ C. I. J. Recueil 1951. P. 139.

¹⁴ Debru C. Analyse et representation: De la methodologie a la theorie de l'espace: Kant et Lambert. Paris, 1977. P.113-147.

¹⁵ Ciceri M.-F., Marchand B., Rimbert S. Introduction a l'analyse de l'espace, Paris, 1977. P.45-98.

¹⁶ Pradelle de la P. Notions de territoire et d'espace dans l'amenagement des rapports internationaux contemporains / Recueil des Cours, 1977. Leyde. 1980.P.157, 425-495.

В своем академическом видении пространства П. де ла Прадел вполне обоснованно проводит уже закрепленную в науке позицию о связи понятий территории и пространства. Действительно, пространство проявляет себя по всему периметру территориального действия права как основного регулятора взаимодействия его субъектов. И такое взаимодействие должно осуществляться исключительно на основе принципа добросовестности, без признаков злоупотребления правом.¹⁷ По обстоятельствам всестороннего сотрудничества государств, согласно, Уставу ООН *res nullius* правильно констатирует П. де ла Прадел, становится *res unius* и призвано использоваться в общих интересах всего человечества. При этом должна обеспечиваться защита окружающего пространства, поскольку оно находится под охраной современного международного права. Проводя логическую взаимосвязь между понятиями «территория» и «пространства», П. де ла Прадел дает правильное академическое видение обозначенных категорий. «Территория согласно международному праву определяется как зависимость (*la dependance*) геофизического порядка мира, включенной под диспозитивную и принудительную власть государства». Со своей стороны, «пространство» по факту своей связи с территорией определяет собой зависимости (*les dependances*) геофизического порядка мира, которые выпадают по своей природе из-под суверенитета (государств) с обозначенной целью свободного доступа всех государств – членов мирового сообщества».

Представленные П. де ла Праделом определения понятий «территория» и «пространство» всецело верно отражают суть проблемы. Территория обозначает собой географически точечное ограничение верховенства государства в рамках своих границ. В противовес этому, пространство как таковое – это суть общее достояние человечества, находящееся под управлением всего мирового сообщества в целом.

Господство права (Rule of Law) с учетом объективных качеств целостной по форме и законченной по содержанию концепции науки юриспруденции стало основой государственного конституционного строительства стран мира.

Российская Федерация как правовое государство воплотила в своем основном законе все постулаты концепции господства права. Тем самым Rule of Law показало себя действенным фактором жизнедеятельного функционирования страны.

Принцип юридического равенства всех граждан перед законом, как первый элемент господства права, в развернутом плане зафиксирован в ст. 19 Конституции. В постановочном плане устанавливается следующее: 1) «Все равны перед законом и судом. 2) Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного или должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничений прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. 3) Мужчина, женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Как мы видим, принцип юридического равенства всех граждан показан предельно четко и всесторонним образом. А это обстоятельство выгодно отличает Конституцию РФ от Конституций других государств.

Второй элемент господства права – принцип недопустимости произвола со стороны государства – нашел свое действенное закрепление в ст. 52. А именно: «Право потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняется законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда». Новацией конституционного подтверждения принципа недопустимости произвола со стороны государства является то обстоятельство, что Конституция России в реальном режиме господства права не просто декларирует в заявительном порядке недопустимость произвола со стороны государства, но и обеспечивает через суд применение санкций, как за конкретное преступление, так и за злоупотребление правом. Показательны в этом плане постановления ст. 53 Конституции,

¹⁷ См. на этот счет: *Каламкарян Р. А.* «Господство права, Rule of law в международных отношениях. М., 2004; *Cheng B.* *The General Principles of Law as applied by International Courts and Tribunals* London, 1953, p. 105-163.

согласно которым предусматривается право каждого гражданина РФ на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Российское государство, создавая равноправные условия для всех его граждан по доступу в суд, тем самым обеспечивает компенсацию за ущерб, который явился следствием неправомерных действий или бездействий со стороны властных структур. По модели А.В.Дайси, именно суд, как нам известно, является тем органом, который не просто принимает решение, но и делает право реальным феноменом социального уклада общества.

Судебная защита прав человека как третий элемент господства права возведена в Конституции Российской Федерации в ранг упорядоченного на основе права института. Институализация пошла как по линии целостности предмета регулирования, (речь идет обо всей второй главе Конституции «Права человека», ст.ст. 17-64), так и в направлении законченности средств защиты (имеется в виду возможность обращения и во внутригосударственные, и в международные судебные учреждения). Здесь в полной мере проявила себя новаторская роль Конституции РФ. Нигде в мире нет писаной конституционной нормы, которая бы в реальном режиме господства права делала допустимым осуществление заявительных действий на международном уровне в обеспечение прав и свобод человека. Так, в ст. 46 Конституции РФ на этот счет сказано следующее: «1. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. 2. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. 3. Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты». В порядке детализации этого общего, постановочного положения ст. 47 Конституции РФ устанавливает: «1. Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. 2. Обвиняемый в совершении преступления

имеет право на рассмотрение его дела с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом».

Россия как демократическое правовое государство признает соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина своей обязанностью (ст. 1, 2 Конституции РФ). Зафиксированный во второй главе Конституции свод прав и свобод человека согласно ее ст. 64 образуют собой правовой статус личности, который, обладая всей силой конституционных постановлений, не подлежит изменению.

Перевод доктринальных постулатов концепции господства права – юридическое равенство всех граждан перед законом; недопустимость произвола со стороны государства; судебное обеспечение прав человека – в плоскость практических постановлений Конституции Российской Федерации позволяет обозначить место страны в современном миропорядке. Будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, Российское государство признано согласно Уставу Организации Объединенных Наций (ст. 23) Великой державой. Выступая на мировой арене с позиции соблюдения верховенства права, Россия через Конституцию в полной мере обеспечила претворение жизнь основополагающих элементов господства права в своем государственном строе и через него в системе устройства институтов государственного управления.

Практическая направленность концепции господства права и ее реализация в конституционной практике государств мира ставят в постановочном плане задачу определения содержания господства права как материального и процессуального института.

Как материальное правило должного поведения, господство права предписывает необходимость признания человеческой личности со всем общепризнанным набором прав и свобод высшей ценностью. Государство в такой ситуации рассматривает обеспечение прав и свобод человека в порядке своего международно-правового обязательства. Российская Федерация как конкретный пример государства с установленной формой правления в режиме господства права записала в ст. 2 Конституции следующее положение: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и

защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Как мы видим, конкретно, четко и однозначно Конституция РФ фиксирует в своем тексте оба названных нами элемента материального содержания господства права. Первое. Признание человеческой личности высшей ценностью. И второе. Обозначение обязательства со стороны государства обеспечивать защиту прав и свобод личности. И такова, в принципе, призвана быть любая схема конституционного обустройства господства права.

Заявление о материальном содержании господства права дополняется мерами процедурного порядка по обеспечению декларируемых в конституции прав и свобод человека. И здесь суд (внутригосударственный или международный) как орган правосудия является тем органом, который создает надлежащие юридические гарантии для реального и эффективного пользования записанными в конституции правами и свободами. Так в рамках общей конструкции заявительно-материального и обеспечительно-процедурного порядка и осуществляет свое регулятивное воздействие Rule of Law.

Реализация принятых Россией международных обязательств в параметрах внутригосударственного правопорядка осуществляется через институт имплементации норм международного права в правовой системе Российской Федерации.

Институт имплементации норм международного права в параметрах своего регулятивного воздействия носит целостный по форме и законченный по содержанию характер. По своей юридической значимости институт имплементации содействует переводу (трансформации) норм одной системы права (международное право) в другую систему права (внутригосударственное право).

Российская Федерация как Великая держава, постоянный член Совета Безопасности ООН в рамках своего внешнеполитического курса по обеспечению международного правопорядка выполняет все свои все международные обязательства независимо от их источника их возникновения исключительно на основе принципа добросовестности **bona fide**.

В порядке подтверждения в лице Президента России В.В. Путина (Декларация тысячелетия 2000 г. и Декларация Саммита 2005 г.) и

Президента России Д.А. Медведева (Декларация о пяти принципах внешней политики 2008г.) заявленной приверженности верховенству права Российская Федерация уже на законодательном уровне проводит весь комплекс надлежащих мер по реализации заложенных в данных актах обязательств. Посредством института имплементации осуществляется процедура по переводу (трансформации) принятых Россией на международном уровне обязательств в сферу регулятивного воздействия внутригосударственного законодательства. Процедура упорядочена, точна и неукоснительно выполняется по закону и по факту.

На законодательном уровне принимаются надлежащие юридические акты (законы), которые собственно и выполняют возложенную на них миссию по переводу (трансформации) договорных обязательств в параметры внутригосударственных актов.

В параметрах признанного на конституционном уровне формата правового, социального и демократического государства в Российской Федерации установлен примат применения международного права. Пункт 4 ст.15 Конституции России гласит: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». При этом, как справедливо отметил на этот счёт профессор Е.Т. Усенко, нормы международного договора, становясь частью права Российской Федерации, сами по себе не изменяют и собственно не могут изменить или отменить нормы общего законодательства, а действуют как специальные нормы, предназначенные для регулирования правоотношений по факту заключенного международного договора.¹⁸ Конкретно, проблема урегулируется следующим образом. При обстоятельствах коллизии между правилами международного договора Российской Федерации и правилами закона Российской Федерации суд как орган правосудия применяет в порядке приоритета правила международного договора.

В порядке заявленной приверженности государств-членов мирового сообщества (в том числе и России как Великой державы постоянного

¹⁸ Международное право. Учебник /Отв. Ред. Е.Т. Усенко, Г.Г. Шинкаревая. Москва 2003. С. 29.

члена Совета Безопасности ООН) примату международного права в международной политике государства призваны переводить постулаты должного поведения на международном уровне (в форме заключенных международных договоров) в постулаты должного поведения на внутригосударственном уровне (в форме законодательных актов). Именно в этом на концептуальном уровне состоит суть института имплементации норм международного права в науке и практике современной юриспруденции.

При общем восприятии значимости комплекса юридических мер государства по переводу принятых международно-правовых обязательств в плоскость внутригосударственного правового пространства в российской академической литературе представлены различные терминологические определения для обозначенных мер государства. Профессора С.В. Черниченко¹⁹ и Л.П. Ануфриева²⁰ вполне обоснованно говорят о процессе трансформации, профессора Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов²¹, Б.Л. Зимненко²² юридически правильно высказываются в пользу термина «реализация», профессор А.С. Гавердовский²³ академически убедительно выдвигает определение «рецепция», профессор Р.А. Мюллерсон²⁴ представляет термин «инкорпорация».

При всем терминологическом разнообразии и концептуальной приемлемости академических определений процедуры перевода принятых государствами международных обязательств в плоскость внутригосударственного законодательного поля все они предметно определяют одно. Приняв в режиме верховенства права **Rule of Law** определённые международно-правовые обязательства на договорном уровне, государства

призваны на основе принципа добросовестности их выполнять. А это предусматривает осуществление в параметрах внутригосударственных мер надлежащих процедур по переводу принятых международных обязательств в плоскость внутреннего права государств.

В этом смысле профессор Б.Л. Зимненко совершенно прав, когда говорит о востребованности обозначения процесса «национально-правовой имплементации» посредством определения «реализация»²⁵. Действительно, определение «реализация» по своей концептуальной наполняемости покрывает собой весь спектр выдвинутых учеными терминов для обозначения процесса перевода принятых государствами международных обязательств в формат внутригосударственного правового пространства (речь идёт о таких терминах, как «инкорпорация», «преобразование», «трансформация», «рецепция», «унификация», «преобразование», «параллельное правотворчество», «легитимация»)²⁶.

Процесс, посредством которого осуществляется перевод принятых государством международных обязательств в параметры внутригосударственного правопорядка, носит комплексный и много-форматный характер. Здесь задействуются органы законодательной и исполнительной власти страны. И насколько она ориентирована на добросовестное претворение в жизнь всех записанных в договорных актах международных обязательств можно говорить о завершённости процесса имплементации норм международного права по существу. Российская Федерация, будучи привержена добросовестному выполнению взятых на себя международных обязательств, последовательно применяет в рамках повседневной жизни государства весь потенциал правоисполнительной и правообеспечительной практики, заложенный в деятельности законодательных и исполнительных органов страны.

Знаковым элементом в плане подтверждения России как добросовестного участника международного правоисполнительного процесса являются положения п.4 ст.15 Конституции страны, где записано, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные дого-

¹⁹ Черниченко С.В. Теория международного права. Т.1.М.,1999. С. 140-160

²⁰ Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права. М.,2002. С. 340-360.

²¹ Международное право. Учебник/Отв.ред. Г.В. Игнатенко и О.Н.Тиунов. М.,2009. С. 174-176

²² Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. М.,2006 С. 63

²³ Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. Киев, 1980. С. 60-75

²⁴ Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и внутригосударственного права. М.,1982. С. 60-85

²⁵ Зимненко Б.Л. Указ.соч., С. 63

²⁶ См. на этот счёт: Зимненко Б.Л. Указ.соч. С. 70-71

воры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы». Зафиксированные здесь конституционные положения Основного закона страны целиком и полностью вписываются в общепризнанные стандарты международно-правового взаимодействия государств-членов мирового сообщества. Обычно-правовые международные нормы уже в силу их юридической сущности призваны быть составной частью правовой системы любого государства мира, поскольку обладают характером *erga omnes*. А договорно-правовые международные нормы становятся частью правовой страны по факту ратификации их высшим законодательным органом и осуществления процесса включения (инкорпорации-incorporation) в правовое пространство соответствующего государства. Действия по переводу международно-правовых норм в формат внутригосударственных норм обозначаются по общему пониманию российских и зарубежных юристов как процесс имплементации.²⁷ Юридическое значение принципа инкорпорации определяется по обстоятельствам его основополагающей регулятивной функции-содействие осуществлению международного права в формате обеспечения его эффективности и непосредственного действия в параметрах внутригосударственного правового пространства. Профессор Х. Лаутерпахт²⁸ справедлив отмечая значимость принципа инкорпорации, выдвигает четыре концептуально обоснованных положения в качестве подтверждения своего заключения. **Первое.** В то время как процесс судебного разрешения в международном праве имеет под собой согласительную основу, нормальное применение норм международного права внутригосударственными судами создаёт определённые гарантии его эффективности. **Второе.** Принцип, содейству-

ющий переводу международного права в формат правовой системы страны, расширяет субъектный состав международного права за счёт физических лиц. **Третье.** Принцип, содействующий непосредственному применению международного права как к государствам, так и индивидам (посредством деятельности внутригосударственных судов), ставит под сомнение само понимание абсолютной разности между двумя правовыми системами. **Четвёртое.** Принцип инкорпорации, обеспечивая надлежащие условия для перевода международного права в правовую систему государств-членов мирового сообщества, подтверждает верховенство международного права в параметрах межгосударственной правовой системы.

Международное право и внутригосударственное право действительно, как правильно отмечают на этот счёт профессор Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов²⁹, могут иметь «совмещённый предмет регулирования», а само международное право может иметь действие непосредственно по отношению к фигурантам внутригосударственного права, а именно физическим лицам. Так, положения ч.1 ст.17 Конституции России предписывают, что права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются «согласно общепризнанным принципам и нормам международного права».

Констатация возможности прямого и непосредственного действия норм международного права в параметрах российского правового пространства имеет практический и теоретический аспект. В практическом плане, за Россией подтверждается качество правового, социального, демократического государства-добросовестного участника системы международных правоотношений. С точки зрения теории, здесь вполне обоснованно звучит тезис, согласно которому международное и внутригосударственное право входят как составные части формирующегося «всемирного правового комплекса».³⁰

Взаимодействие международного и внутригосударственного права на нынешнем этапе развития мирового сообщества идёт в режиме признания верховенства права как в параметрах

²⁷ Международное право. Учебник/Под ред. А.Н.Вывегжанина. М.,2009. С.33-35; Международное право.Учебник/Отв.ред. А.Н. Ковалев, С.В. Чернищенко. М., С.101-157; Международное право. Учебник/Под общей ред. А.Я. Капустина. М.,2008. С.155-172; Oppenheim's International Law. Ninth Edition. Peace. Vol.1. London, 1992. P. 82-86; *Conforti B.* International Law and the Role of Domestic Legal Systems. Dordrecht,Boston,London,1993. P. 8-10; *Rousseau Ch.* Droit International Public.T.1. Paris,1970. P.52-54; *Attar F.* Droit International Public. Entre Ordre et Chaos. Paris, 1994, P.79-98.

²⁸ International Law. Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. The General Works. Vol.1 Cambridge,1970, P. 165-166.

²⁹ Международное право. Учебник/Отв.ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М.,2009. с.28-36.

³⁰ Там же с.32.

межгосударственных отношений, так и сугубо во внутригосударственных рамках.

Россия по факту своей включенности в общемировой процесс развития в качестве Великой державы обеспечивает соблюдение верховенства права по всем направлениям регулятивного воздействия международного и внутригосударственного права.

Гарантированное обеспечение режима верховенства на всем пространственном протяжении Российского государства осуществляется через институт гарантий как он понимается в рамках концептуального восприятия понятия господства права.

Значимость концепции “господство права” проявляется в полной мере и на внутригосударственном уровне. Как пишет профессор права Гарвардской школы права (США) Р.Х. Фаллон в своей специальной работе на эту тему, понятие “господства права” (Rule of Law) ставит перед собой три цели. Во-первых, концепция “господство права” призвана обеспечить защиту против анархии или, другими словами, войны всех против всех. Во-вторых, концепция (господство права) призвана создать для людей надлежащие условия по планированию своего будущего с предложением им разумной уверенности в том, что они могут знать заранее о юридических последствиях различных действий. В-третьих, концепция “господство права” призвана обеспечить гарантии против возможных случаев произвола со стороны официальных властей³¹.

На фоне изложенных здесь целей, концепция “господство права” в общепринятом (в научной среде) смысле включает в себя пять элементов. В той мере, в какой эти все пять элементов присутствуют, можно говорить, заключает профессор Р.Х. Фаллон³², о реализации основополагающих положений концепции “господство права”. Первый элемент состоит в способности юридических норм, стандартов или принципов направлять людей в отправлении ими своих дел. Народ должен быть в состоянии понимать право и соотнобразовывать свое поведение с действующими

нормами права. Вторым элементом концепции “господство права” является эффективность. Право призвано действительно руководить поведением людей, по крайней мере в большей своей части. Другими словами, народ должен быть руководим правом, подчиняться ему. Третий элемент – это стабильность. Право должно в разумной степени быть стабильным с тем, чтобы содействовать планированию и координированным действиям на протяжении времени. Четвертый элемент концепции “господство права” состоит в верховенстве законной власти. Право должно руководить поведением официальных государственных лиц, включая судей, так же как и рядовых граждан. Пятый элемент включает наличие институтов беспристрастного правосудия. Суды должны обладать возможностями проводить в жизнь закон и должны осуществлять судопроизводство на основе справедливости.

Практическое осуществление составляющих элементов концепции “господство права” создает надлежащие гарантии для обеспечения универсально признанных прав человека.

В обычном политическом лексиконе о “гарантиях” прав говорят в самом общем (описательном) смысле и без каких-либо уточнений на этот счет. Например, говорят, что определенное право “гарантируется” Конституцией в то время, как оно просто провозглашается в торжественной форме в конституционном тексте.

Однако, как отмечает профессор права Университета Генуи (Италия) Р. Гастини, такая лингвистическая практика, по всей очевидности не различает между предоставлением права и защитой права³³. Конституционное право может действительно быть провозглашено или предоставлено, но без какой-либо требуемой на этот счет гарантии, а также защиты этого права. Так, например, такое конституционное провозглашение, как “Всякий гражданин может... свободно высказываться, писать, печатать” (Декларация прав человека и гражданина 1789 г., ст. 11) без сомнения предоставляет определенные субъективные права гражданам, но при этом нельзя утверждать, что эти права также защищены.

³¹ Fallon R.N. Op. cit. P.7-8

³² Fallon R.N. “The Rule of Law” as a concept in constitutional discourse // Columbia Law Review. January 1997. Vol. 97. No 2. P. 1-56.

³³ Guastini R. Reflexions sur les qaranties des droits constitutionnels et la theorie de l’interpretation.// Revue du Droit Public et la Science Poitique en France et a l’etranger. Paris, 1991, N.4. P 1079-1089

Гарантия, как отмечает проф. Р. Гастини, является именно защитой. Гарантии конституционных прав составляют собой защиту прав граждан против государств: своего рода “барьеры”, которые установлены между государственной властью и свободой граждан.³⁴

Концепция “господства права” в доктринальном плане сопоставима с концепцией примата права в международных отношениях. Ставя общую задачу – строгое обеспечение взаимосогласованных постановлений международного права, – концепции примата права и “господство права” согласуются между собой и имеют общую конечную цель – прогрессивное переустройство международного правопорядка. Обе концепции одинаково приемлемы и потому должны быть взяты за основу всеми государствами в своей дипломатической деятельности, что отвечало бы коренным интересам человечества. Концепция “господство права” указывает возможные пути установления мира, в котором уровень права был бы настолько высок, чтобы у государства не возникало побудительных мотивов совершить противоправный акт. Признание примата международного права и приоритета общечеловеческих интересов окажет положительное влияние на утверждение господства права в международных отношениях. Востребованность права как основополагающего регулятивного элемента мирового порядка образует собой объективный ход человеческой цивилизации.

Постановочно, определяющим фактором теоретического построения концепции господства права (Rule of Law) в международных отношениях являются положения ст. 14 Проекта статей о правах и обязанностях государств,

выработанного Комиссией международного права на ее первой сессии в 1949 г. Конкретно, предписывается следующее: «Каждое государство обязано поддерживать свои отношения с другими государствами в соответствии с нормами международного права и в соответствии с тем принципом, что суверенитет каждого государства подчинен верховенству (Supremacy) международного права.»

По своему сущностному содержанию, понятия господства права (Rule of Law) и верховенства международного права (Supremacy of International Law) сопоставимы как общее к частному. В то время как концепция господства права в качестве предписания общего порядка по должному поведению всех субъектов правоотношений, будь-то внутригосударственных или международных, концепция верховенства международного права устанавливает приоритет международного права над внутригосударственным.

Всесторонним образом реализовывая постулаты должного поведения как они записаны в международных обязательствах государство-члена ООН, Россия предметно содействует прогрессивному развитию международного права и его институтах.

Участие России в процессе кодификации международного права ориентировано на совершенствование международно-правовой базы сотрудничества государств-членов мирового сообщества. Создание упорядоченного на основе международного права пространственного социума наций ставит своей целью достижение целостного по юридическому насыщению и завершенного по членскому составу участников правового пространства.

Библиография:

1. Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права. М., 2002.
2. Ахмедли Дж. Т., Фельдман И. И. «Пространство-время: гипотезы, парадоксы, факты, Баку, 1991;
3. Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. Киев, 1980.
4. Горелик Г. Е. «Почему пространство трёхмерно», М., 1982;
5. Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. М., 2006.
6. Зимненко Б.Л. Указ.соч.
7. Каламкарян Р. А. «Господство права , Rule of law в международных отношениях. М., 2004

³⁴ *Guastini R. Op.cit. P. 1081*

8. Каламкарян Р. А. «Фактор времени в праве международных договоров», М., 1987.
9. Котенев А. А. «Катехизис подвижного баланса сущего, М., 2007;
10. Левашов Н. «Последнее обращение к человечеству», М. 1997;»
11. Логический анализ языка. Языки пространств/отв.ред.:Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.,2000.
12. Международное право. Учебник /Отв. Ред. Е.Т. Усенко, Г.Г. Шинкарецкая. Москва 2003.
13. Международное право. Учебник/Отв.ред. Г.В. Игнатенко и О.Н.Тлунов. М.,2009
14. Международное право. Учебник/Под общей ред. А.Я.Капустина. М.,2008.
15. Международное право. Учебник/Под ред. А.Н.Вылегжанина. М.,2009.
16. Международное право.Учебник/Отв.ред. А.Н.Ковалев, С.В. Чернищенко. М.
17. Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и внутригосударственного права. М.,1982.
18. Черниченко С.В. Теория международного права. Т.1.М.,1999.
19. Attar F.Droit International Public. Entre Ordre et Chaos.Paris,1994.
20. C. I. J. Recueil 1951.
21. Cheng B. The General Principles of Law as applied by International Courts and Tribunals London, 1953.
22. Cheng B. Principle of Law as Applied by International Courts and Tribunals. London, 1954.
23. Ciceri M.-F., Marchand B., Rimbert S. Introduction a lanalyse de lespace, Paris, 1977.
24. Conforti B.International Law and the Role of Domestic Legal Systems.Dordrecht,Boston,London,1993.
25. Cosgrove R.A. Rule of Law: Albert Venn Dicey, Victorian Jurist. North Carolina, 1980.
26. CPJI. Serie A. № 7. P. 30; CPJI. Serie A/B. № 46. P. 167; CIJ Recueil 1951.
27. Curran N, «The logical universe: The real universe, Avebury, 1994.
28. Debru C. Analyse et representation: De la methodologie a la theorie de lespace: Kant et Lambert. Paris, 1977.
29. Dicey A.V. Introduction to the Study of the Law of Constitution. London, 1960.
30. Fallon R.N. “ The Rule of Law” as a concept in constitutional discourse // Columbia Law Review. January 1997. Vol. 97. No 2.
31. Guastini R. Reflexons sur les qaranties des droits constitutionnels et la theorie de l’interpretation.// Revue du Droit Public et la Science Poitique en France et a l’etranger. Paris, 1991, N.4.
32. International Law. Being the Collected Papers of H.Lauterpacht. The General Works. Vol.1 Cambridge,1970.
33. Jennings I. Law and the Constitution. London. 1959.
34. Lauterpacht H. International Law. General Works. Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. Cambridge, 1970. Vol. 1.
35. Matore J, Lespace humain/ Lexpression de lespace dans la vie, la pensee et lart contemporain. Paris, 1962.
36. Oppenheim’s International Law. Ninth Edition. Peace. Vol.1. London,1992.
37. Pradelle de la P. Notions de territoire et despace dans laménagement des rapports internationaux contemporations / Recueil des Cours, 1977. Leyde. 1980.
38. Rousseau Ch.Droit International Public.T.1.Paris,1970.
39. Zoller E. La Bonne Foi en Droit International Public. Paris, 1977.
40. www.en.wikipedia.org/wiki/Space.
41. www.bse.freecpy.ru/print.php?id=69138
42. [www. Gomtp.ru/encyclopedia/letter16/term935/](http://www.Gomtp.ru/encyclopedia/letter16/term935/)

References (transliteration):

1. Anufrieva L.P. Sootnoshenie mezhdunarodnogo publichnogo i mezhdunarodnogo chastnogo prava. М.,2002.
2. Akhmedli Dzh. T., Fel’dman I. I. «Prostranstvo-vremya: gipotezy, paradoksy, fakty, Baku, 1991;
3. Gaverdovskii A.S. Implementatsiya norm mezhdunarodnogo prava. Kiev, 1980.
4. Gorelik G. E. «Pochemu prostranstvo trekhmerno», М.,1982;

5. Zimnenko B.L. *Mezhdunarodnoe pravo i pravovaya sistema Rossiiskoi Federatsii*. M., 2006.
6. Zimnenko B.L. *Ukaz.soch.*
7. Kalamkaryan R. A. «Gospodstvo prava , Rule of law v mezhdunarodnykh otnosheniyakh. M., 2004
8. Kalamkaryan R. A. «Faktor vremeni v prave mezhdunarodnykh dogovorov», M., 1987.
9. Kotenev A. A. «Katekhizis podvizhnogo balansa sushchego, M., 2007;
10. Levashov N. «Poslednee obrashchenie k chelovechestvu», M. 1997;»
11. Myullerson R.A. *Sootnoshenie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava*. M., 1982.
12. Chernichenko S.V. *Teoriya mezhdunarodnogo prava*. T.I.M., 1999.
13. Attar F. *Droit International Public. Entre Ordre et Chaos*. Paris, 1994.
14. C. I. J. *Recueil* 1951.
15. Cheng B. *The General Principles of Law as applied by International Courts and Tribunals* London, 1953.
16. Cheng B. *Principle of Law as Applied by International Courts and Tribunals*. London, 1954.
17. Ciceri M.-F., Marchand B., Rimbert S. *Introduction a lanalyse de lespace*, Paris, 1977.
18. Conforti B. *International Law and the Role of Domestic Legal Systems*. Dordrecht, Boston, London, 1993.
19. Cosgrove R.A. *Rule of Law: Albert Venn Dicey, Victorian Jurist*. North Carolina, 1980.
20. CPJI. Serie A. № 7. P. 30; CPJI. Serie A/B. № 46. P. 167; CIJ *Recueil* 1951.
21. Curran N, «The logical universe: The real universe, Avebury, 1994.
22. Debru C. *Analyse et representation: De la methodologie a la theorie de lespace: Kant et Lambert*. Paris, 1977.
23. Dicey A.V. *Introduction to the Study of the Law of Constitution*. London, 1960.
24. Fallon R.N. “ The Rule of Law” as a concept in constitutional discourse // *Columbia Law Review*. January 1997. Vol. 97. No 2.
25. Guastini R. *Reflexons sur les qaranties des droits constitutionnels et la theorie de l’interpretation.*// *Revue du Droit Public et la Science Poitique en France et a l’etranger*. Paris, 1991, N.4.
26. Jennings I. *Law and the Constitution*. London. 1959.
27. Lauterpacht H. *International Law. General Works. Being the Collected Papers of H. Lauterpacht*. Cambridge, 1970. Vol. 1.
28. Matore J, *Lespace humain/ Lexpression de lespace dans la vie, la pensee et lart contemporain*. Paris, 1962.
29. Pradelle de la P. *Notions de territoire et despace dans laménagement des rapports internationaux contemporations / Recueil des Cours*, 1977. Leyde. 1980.
30. Rousseau Ch. *Droit International Public*. T.1. Paris, 1970.
31. Zoller E. *La Bonne Foi en Droit International Public*. Paris, 1977.